



САЛЬВАДОР БОРЖЕС

«ЛЕНИН ГОВОРIT НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ...»

Роман С. Боржеса «Рио-де-Жанейро» повествует о нарастании рабочего движения в Бразилии перед второй мировой войной, о борьбе рабочего класса за свои права, против эксплуатации и империалистического гнета. Особое место уделяется роли коммунистической партии в этой борьбе.

Предлагаемая вниманию читателей глава из романа рассказывает о той большой любви, которую проявляют трудящиеся Бразилии к великому вождю пролетариата Владимиру Ильичу Ленину, о популярности этого имени в народе.

...Переулок, который ведет к фабрике «Алианса», окутали сумерки. Недалеко от ворот не спеша прогуливается Педро Баия. Он ждет, когда закончится дневная смена, тогда можно будет приступить к выполнению партийного поручения. В этот вечер он должен распространить листовки среди текстильщиков.

Вот и гудок. От фабричных корпусов к выходным воротам потянулись вереницы уставших, запыленных, с обрывками ниток и ваты на одежде, мужчин, женщин и детей. В переулке их встречает Педро и, оглядываясь, сует им в руки прокламации. При этом он чуть слышно шепчет:

— Когда прочтешь, не забудь передать товарищу

Недалеко от фабрики расположился небольшой рабочий поселок. Возле обветшалых хибарок небольшими группами собрались текстильщики. Те, кто посильней в грамоте, вслух читают прокламации, остальные с интересом ловят каждое слово. То в одном, то в другом месте слышится короткое слово: «Ленин». Прокламация извещала, что сегодня будет проводиться вечер памяти Ленина.

— Ты пойдешь? — спрашивают друг друга рабочие.

— Конечно!

— Ну, тогда давайте пойдём все вместе.

Раздав последние прокламации, Баия посмотрел на часы, видневшиеся из узенькой башенки, что на здании фабрики.

— Рановато еще, — пробормотал он и направился к улице Ларанжерес.

Шагает Педро твердо, уверенно, и оттого, что ему удалось так хорошо справиться с партийным заданием, все вокруг чудится прекрасным. Воздух необычно свеж и ароматен, дома — чудесные замки, а Рио-де-Жанейро — самый лучший город на свете. Сейчас он забыл даже о тех контрастах, которые до краев переполняли страну, о глиняных, расползающихся под тропическим дождем хибарках, приютившихся за роскошными кварталами богачей, о нужде, голоде, болезнях и неимоверной роскоши.

В глухой аллее на Прае-Фламенго он заметил Маркуса, уткнувшегося в книгу. Баия не встречал его уже давно — с тех пор, как сорвалась забастовка на фабрике дамского платья. Тихонько подобравшись к Маркусу, Педро через плечо заглянул в книгу, прочитал вверху страницы: «В. И. Ленин. «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Почувствовав, что сзади кто-то стоит, Маркус вздрогнул, но увидев Баию, вскочил и радостно вскрикнул:

— Баия!

Педро с Маркусом были старые друзья. Когда Маркус был еще подростком, его привели на фабрику дамского платья. Баие, работавшему старшим мастером, паренек понравился, и он начал не только учить его ремеслу, но и помогать познавать жизнь.

— Мы же не виделись целую вечность, Маркус! Как ты возмужал!

— Вырос, — довольно улыбнулся Маркус. — Как выживаете, товарищ Баия?

— Живем, как видишь...

Сумерки внезапно сгустились. Мягкая летняя ночь окутала все вокруг мглой. Вдруг вдоль берегов зажглось множество огней. Они разорвали ночную тьму, засверкали в воде, запрыгали по водной глади, то исчезая, то вновь вспыхивая.

— Какая красота! — воскликнул Маркус, любуясь чудесным зрелищем. Баия встал, окинул взглядом сияющий берег, сказал:

таны слова великого вождя пролетариата, призывающие к борьбе с несправедливостью, за лучшее будущее человечества. На одной из стен висел портрет в красной раме. Под портретом на красном шелке пять букв «ЛЕНИН».

Председатель перегнулся через стол и коротко предоставил слово очередному оратору.

— Как живые растения тянутся к солнцу, так все рабочие, все угнетенные люди на земле тянутся к самому дорогому, самому любимому человеку — к Ленину, к своему учителю, своему вождю, — доносилось с трибуны, и Маркус ясно ощутил эту могучую силу идей ленинизма, видел эту безграничную любовь, с которой рабочие произносят имя Ленина, и хотя где-то на улицах притаилась полиция со своими вюваалегре* и среди собравшихся рыщут шпики, рабочим ничего не страшно — с ними Ленин...

Снова раздался густой голос председателя:

— Сейчас выступит товарищ Баия...

Педро вышел на сцену. Взглянув в зал, он увидел тысячи разгоряченных лиц, возбужденно горящих глаз! «О чем рассказать этим людям, — мелькнуло у него в голове. — Ведь они пришли сюда, чтобы услышать правду о нашей партии».

Баия на минуту задумался. Он вспомнил могучий, богатырски раскинувшийся океан, недавнее прошлое, образы погибших товарищей... Там, в океане, произошла эта неслыханная по своей жестокости расправа.

Баие казалось, что он видит ту страшную ночь. Во мраке движутся причудливые силуэты, молча отпирают тяжелую дверь его камеры, выводят оттуда закованных в кандалы Диаса Жуакима, Леона Перейро и Мауриса Сантоса, заталкивают в вюваалегре. Машина быстро мчится к берегу, где ее ждет отряд тайных агентов и полицейский катер. Их заталкивают в трюм, и катер быстро уносится в океан. Далеко от берега мотор затих, катер остановился. Баия видит упрямое спокойствие, застывшее на смертельно бледных лицах арестованных, вытолканных на палубу, последний прощальный взгляд... Он слышит приглушенные слова, рвущиеся из завязанных уст, страшные проклятия палачам. Эти звуки сливаются с воем волн... Темная бездна поглощает одну жертву за другой... Этого он никогда не забудет — он, един-

* Закрытые полицейские автомобили.

ственный свидетель, которого оставили в живых, вернули в тюрьму... «Мулат нам нужен, — сказал с издевкой комиссар четвертого ашилиара*, — пусть он расскажет своим коммунистам. Может, они теперь станут более сговорчивыми...»

Вот об этом-то и рассказал Баия собравшимся на вечер памяти Ленина. Когда Педро кончил говорить, в зале несколько минут стояла напряженная тишина. Неожиданно кто-то в другом конце зала крикнул:

— Вива бандера Ленина! Партидо коммуниста!**

Из конца в конец огромного зала прокатилась лавина восторга, над головами взметнулись крепкие мозолистые руки. Гром аплодисментов, все нарастая, превратился в могучую овацию самой боевой, самой мужественной партии Бразилии.

ПОСЛЕДНИЙ РЕИС

Рассказ

В ту ночь машинист фронтального поезда Борис Штейнберг вернулся из дальней поездки поздно. Плечи давила страшная усталость. С трудом дошел он до комнаты отдыха паровозников, повалился на койку и сразу же забылся тяжелым сном. Но выспаться и на этот раз ему не удалось.

— Штейнберг! Штейнберг! — уже возвращаясь к действительности, услышал он. — Вставай! Начальник станции вызывает.

Борис вскочил, быстро оделся, умылся холодной водой и пошел к вокзалу.

Начальник станции, высокий седой человек, с воспаленными от бессонницы глазами, поднялся из-за стола.

— Ну как отдохнул? — спросил он, подавая руку.

Штейнберг кивнул головой. Они вышли из здания вокзала, сплошь забитого эвакуированными — в большинстве женщинами и детьми. На первом пути стоял бесконечно длинный состав платформ, непроницаемо укрытых брезентом.

* Бразильская охранка.

** Да здравствует знамя Ленина! Коммунистическая партия!

— Вот это надо срочно доставить на фронт...

Борис наметанным глазом оглядел состав:

— Все готово?

— Полный порядок. Давай!

Пронзительный гудок прорезал воздух. Стуча колесами на стыках, состав стал набирать скорость. Не успел Штейнберг оглянуться, как поезд уже отмахал пятьдесят километров. Борис вспомнил, что много лет назад такой цифрой — пятьдесят километров — отметил он первый свой рекорд паровозного машиниста... Работал он тогда на Дальневосточной железной дороге и жил с семьей в Биробиджане. Перед глазами встало белое здание вокзала. По перрону ходит дежурный вокзала в красной фуражке — его жена. Как живется ей сейчас? Что подельывает их дочурка?..

Поезд несся по земле, где еще совсем недавно хозяйничали гитлеровцы. Повсюду виднелись развалины, обгоревшие стены, трубы сожженных хат...

Впереди послышался нарастающий грозный гул. Со стороны фронта в тени серого облака шла группа «мессершмиттов». Приблизившись, они один за другим бросились в пике на поезд. Затрещали пулеметы, посыпались бомбы. Состав трянуло. Борис оглянулся назад и увидел, что с одной из платформ валит густой дым. Но тут появились наши ястребки, и «мессершмитты», не приняв боя, ушли на запад. Один из них покачнулся, завалился на крыло, вспыхнул и, окутанный клубами черного дыма, камнем пошел к земле.

Потом состав бомбили еще несколько раз. В памяти Штейнберга остался оглушительный взрыв, яркие всполохи огня. Он потерял сознание.

Очнулся Борис в плену. За колючей проволокой вокруг себя он увидел десятки людей — мужчин и женщин, согнанных гитлеровцами из окружающих сел. Внезапно застрочил пулемет. В толпе началась паника, давка. Люди падали, скошенные яростной вьюгой свинца. Слышались стоны, проклятия, крики. Оставшимся в живых немцы велели построиться.

— Кто есть партизан? — злобно кричал долговязый эс-совец.

Люди молчали, понуриив головы. Тогда долговязый объявил, что будет расстрелян каждый десятый... Он подошел к

строй измученных людей и, тыча стволом пистолета в грудь, стал отсчитывать:

— Айн, цвай, драй...

Штейнберг был девятым. Вот и он ощутил металлический холодок пистолета. «Не может быть, — пронеслось в мозгу, — это какой-то кошмарный сон. Надо проснуться... надо...»

Раздался выстрел, и высокий мужчина, стоявший рядом с Борисом, упал на грязную землю. Борис в каком-то страшном оцепенении ждал решения своей судьбы.

Развалистой походкой к Штейнбергу подошел низкорослый, хорошо откормленный человек в форме железнодорожника. Рядом с ним твердо ступал щеголеватый офицер в форме гестаповца.

— Машинист? — спросил железнодорожник. Можешь не врать, я тебя помню. И здесь я (он вдруг перешел на «вы») ради вас, ради вашей пользы. Хочу оказать вам услугу

Штейнберг с презрением оглядел кругленькую фигурку предателя, едва сдерживаясь, чтобы не плюнуть ему в гладко выбритую физиономию.

— И ради их пользы — тоже? — Борис кивнул на трупы.

Железнодорожник холодно посмотрел на Штейнберга и о чем-то пошептался с офицером. Лицо гестаповца побагровело:

— Марш, юде! — гаркнул он.

— Ты поведешь состав! — крикнул он Штейнбергу, — поведешь! Иначе... Ты у меня легко не отделаешься! — и он указал рукой, затянутой в кожаную черную перчатку, на убитого машиниста. — Я изжарю тебя в паровозной топке... Понял?

— Понял, — ответил Штейнберг — Слушаюсь!

Он дотошно стал осматривать паровоз, как обычно делал это перед очередной поездкой. Офицеру это понравилось.

— Гут! Гут! — довольно приговаривал он. — Доведешь поезд до места назначения — получишь награду.

Через несколько минут из трубы паровоза в аспидно-черное небо брызгнул поток искр. Поезд рванулся и быстро пошел в ночную непроглядную тьму. Мимо летели уснувшие селения, огромные пустые поля, перелески. В паровозной будке рядом с Борисом стоял коренастый усатый автоматчик, кочегаром к Штейнбергу определили молодого белобрысого немца.

— Карашо идем, хозяин, — подмигнул кочегар Штейнбергу. — Карашо.

«А можно идти еще быстрее», — подумал Борис, глядя на бушующее в топке пламя. Он вырвал у немца лопату: «Разве так бросают уголь!»

Укачиваемый мерным движением поезда, автоматчик клевал носом. Проснуться ему не было суждено — лопата Штейнберга раскроила ему череп. Потом Борис разделался и с кочегаром.

— Вот теперь-то я по-настоящему хозяин! — воскликнул он.

Рванув на себя дверь, Борис сбросил в ночь тела бездыханных гитлеровцев и с лихорадочной быстротой принялся забрасывать уголь в топку. Поезд все убыстрял ход, он мчался на всех парах, но Штейнберг продолжал швырять в бушевавшее пламя уголь — еще и еще. То большое, на что он решился, словно удесятерило его силы.

А тем временем в вагонах ехавшие на фронт офицеры и солдаты предавались дикому разгулу. Пустели бутылки, из вагонов неслись нестройные голоса. Но вот кто-то с беспокойством заметил, что поезд несется слишком уж быстро.

— Здесь что-то не так, — заволновался один толстый капитан.

— Ничего особенного! — отрывая, махнул рукой пьяный офицер. — Нагоняем время. Вот и все...

— Майн готт! — воскликнул другой, уже всерьез почуяв неладное, — мы погибли! Будет крушение!

Веселые пьяные возгласы, раскаты смеха словно ветром сдуло. Слышались лишь истерические, истошные вопли. С вытаращенными от ужаса глазами фашисты очумело метались по вагонам, тщетно ища спасения. А поезд все мчался вперед.

Вдруг что-то тяжелое ухнуло, раздался взрыв. Все вздрогнуло от страшного удара. Вагоны полезли друг на друга, словно карточные домики, опрокидываясь, падая с рельсов. Образовалась какая-то страшная каша из рваного сплюсненного железа и изуродованных человеческих тел... Потом над всем этим вспыхнуло пламя и вскоре погасло. Ночь поглотила все. Но в этой крошечной темноте остывающие балки и фермы вдруг коробились и шевелились, будто живые щупальца невиданного еще на земле чудовища...